

2. Савицкая Е.В. Расходы населения в системе высшего профессионального образования / Е.В.Савицкая // Экономика образования. – 2004. – № 6. – С. 14 – 22.

3. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. – 232 с.

4. Education in the Twenty-first Century / Ed. by Edward P. Lazear; contributing authors Robert J. Barro, Gary S. Becker, Andrew J. Coulson et al.

– Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2002. – XXXVI, 192 p.

5. Matthews R.C.O. The Economics of Institutions and the Sources of Growth / R.C.O. Matthews // Economic Journal. – 1986. – № 96 (December). – P. 903 – 910.

Статья поступила в редакцию 16.01.2007

Н.В. ЛАТОВА, магистр социологии,
Институт социологии РАН,
Ю.В. ЛАТОВ, к.э.н.,
Академия управления МВД России

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ВЛАСТИ И «КОЛЛЕКТИВИЗМ НЕСВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ» В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ШПАРГАЛКОЛОГИИ)

Надконституционные институты власти-собственности

Транзитологи, занимающиеся проблемами постсоветской России, все чаще используют концепцию власти-собственности. Речь идет об интерпретации институционального генокода российской цивилизации как основанного на доминировании государства над обществом.

Данный подход основан на идеях К. Маркса, начиная с его работ 1850-х гг., посвященных азиатскому способу производства. Однако лишь спустя столетие, в 1957 г., комплексный институциональный анализ "восточного деспотизма" дал перешедший на антикоммунистические позиции экс-марксист К.-А. Виттфогель¹. Именно им была предложена выражающая сущность «восточного деспотизма» лаконичная формулировка «государство сильнее, чем общество». И именно его концепция лежит в основе современного обсуждения этой проблематики зарубежными обществоведами.

Что касается отечественного обществоведения, то у нас обсуждение азиатского способа производства основано на трудах не столько К.-А. Виттфогеля, сколько Л.С. Васильева. Именно этот знаменитый теоретик-востоковед предложил еще в советский период термин «власть-собственность» для обозначения типичной для стран древнего и средневекового Востока институциональной системы за-

висимости прав собственности от должностного статуса². Власть-собственность возникает при монополизации должностных функций в общественном разделении труда, когда господство основывается не на частной собственности, а на высоком положении в административной иерархии.

Все чаще используемая для объяснения российской истории, концепция власти-собственности сохранила некоторые черты советской версии марксизма – в частности, акцентированное внимание к «базису» при снижении значения «надстройки». Между тем современный институционализм (с которым постепенно сливается марксистское обществоведение) подчеркивает органическое единство правил, регулирующих собственно экономические процессы, и правил политической жизни, культурных традиций.

Современные институционалисты выделяют три уровня институтов: институциональная среда включает экономические правила, конституционные правила и надконституционные правила. Самыми фундаментальными считаются как раз надконституционные правила – «наиболее общие и трудно изменяемые неформальные правила, имеющие глубокие исторические корни в жизни различных народов, тесно связанные с преобладающими стереотипами

¹ Wittfogel K.-A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

² См., например: Васильев Л. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982.

поведения»³.

Надконституционные институты наиболее фундаментальны именно потому, что ментальные стереотипы, ценности и установки нормальными взрослыми людьми редко даже осознаются, поскольку считаются «естественными». Между тем именно эти правила, как справедливо подчеркивает В.Л. Тамбовцев, относятся к числу наименее изученных как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении⁴. Дело в том, что современный институционализм развивается под доминирующим влиянием неоинституционализма, для которого характерно основное внимание к формальным институтам, регулирующим права собственности. Изучение же неформальных «правил игры», чем занимались в основном «старые» институционалисты, пока остается на периферии современного институционализма.

Если обратиться к «Восточному деспотизму» К.А. Виттфогеля, то у этого представителя «старого» институционализма можно найти немало любопытных идей не только о собственно экономических, но и о конституционных и надконституционных правилах обществ азиатского способа производства. В частности, он писал, что при «восточном деспотизме» господствуют «тотальный террор – тотальное подчинение – тотальное одиночество»⁵. Данный тезис не обязательно следует трактовать буквально, будто «восточный деспотизм» есть режим постоянных кровавых репрессий. Но и при «восточном деспотизме с человеческим лицом» подданный все равно живет под страхом наказаний «начальниками». Это порождает настроенность на тотальное подчинение, атмосферу отчужденности подданных от власти, своеобразный «коллективизм несвободных людей»⁶, живущих по принципу «бойся делать что-либо один, самостоятельно».

Позже выводы К.А. Виттфогеля о хозяйственной культуре восточных обществ были существенно скорректированы Дж. Скоттом, автором "Моральной экономики крестьянства" (1976 г.). Дело в том, что американский историк-китаист изобразил в "Восточном деспотизме" своего рода идеальную модель азиатского государства – каким оно хотело бы быть. Анг-

лийский антрополог-крестьяновед, изучая реальный опыт жизни крестьян отсталых стран Востока, подчеркнул, что как бы не был тотален государственный террор, крестьяне отнюдь не демонстрируют тотальной готовности подчиняться любому чиновничьему требованию. Ведь когда деспотическое государство постоянно стремится усилить налоговый пресс, тотальное подчинение было бы равносильно самоубийству.

Для противодействия чрезмерным требованиям у подданных восточных деспотов было "оружие слабых" – мелкие, но массовые нарушения закона (браконьерство, уклонение от налогов, контрабанда и т.д.)⁷. Повседневные мелкие нарушения предписанных государством правил позволяли крестьянам обеспечить минимально приемлемое качество жизни. Эти "обыденные формы сопротивления крестьян" были возможны только в условиях общинной сплоченности, когда наказывать приходилось либо всех, либо никого. Поэтому виттфогелевский тезис о надконституционных институтах "восточного деспотизма" надо скорректировать следующим образом: "тотальный террор – требование тотального подчинения – тотальное уклонение – тотальный коллективизм".

Обществоведы, признающие сохранение в постсоветской России институтов власти-собственности, обычно обращают основное внимание на собственно экономические институты - в частности, на слабую спецификацию прав собственности, когда государство имеет возможность не только «назначать в миллионеры», но и «увольнять из миллионеров». Гораздо меньше внимания уделяют сохранению ментальных, надконституционных институтов, типичных для «восточного деспотизма». Между тем эти институты явственно заметны в мышлении и поведении не только взрослых людей, но и молодежи, которая советские времена практически не застала. Именно они, на наш взгляд, образуют наиболее глубинную основу консервации в нашей стране элементов системы власти-собственности.

Рассмотрим, как в студенческой среде проявляются стереотипы отчуждения от власти и «коллективизма несвободных людей», используя данные экономико-социологических исследований «читинга» (cheating) – обмана в учебном процессе.

³ Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. Под общей ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 43.

⁴ Там же.

⁵ Wittfogel K.-A. Oriental Despotism. Ch. 5.

⁶ Термин «коллективизм несвободных людей» предложен В.В. Вольчиком.

⁷ Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 26-59.

«Шпаргалкология» – изучение обмана в учебном процессе

Редко какой россиянин хоть раз в своей жизни, сдавая тот или иной экзамен, не списывал или, по крайней мере, не вставал перед дилеммой «списать – не списать». Арсенал недобросовестных действий учащихся включает такие древние приемы как применение шпаргалок, списывание у соседа, плагиат.

Обман на экзаменах – явление настолько же древнее, как и сами экзамены. Многовековая история списывания начинается в средневековом Китае. Именно там в VI в., при династии Суй, были «изобретены» государственные экзамены («кэцзю») – письменная проверка квалификационных знаний и навыков⁸. Самым важным элементом государственного экзамена постепенно стало написание сочинения по классической конфуцианской литературе. К этому экзамену готовились годами или даже десятилетиями. Успешно выдержав экзамен, человек любого сословия (даже бедный простолюдин) мог занять государственную должность.

Поскольку конкуренция на государственных экзаменах была очень жесткой, то обман на экзаменах стал закономерным явлением. Экзаменуемые старались тайком принести в экзаменационные павильоны «конспекты» или вообще послать вместо себя нанятого интеллектуала. Появилась даже китайская поговорка – «чтобы выдержать экзамен, нужно обладать резвостью скакуна, упрямством осла, неразборчивостью вши, выносливостью верблюда».

Когда в эпоху нового времени благодаря Амосу Коменскому регулярная проверка знаний учащихся в форме экзаменов/зачетов стала ключевым элементом образовательных систем стран Европы, то и тайное списывание тоже стало частым явлением. По мере развития техники коммуникаций приемы списывания получили свое дальнейшее развитие, становясь все более изощренными и продвинутыми – в наши дни в ход пошли Интернет и мобильные средства связи (прежде всего, мобильные телефоны).

Личный опыт авторов данной статьи, которые в 1990-2000-е гг. работали в высших учебных заведениях Москвы и Тулы разного уровня, подтверждает, что массовые списывания – одна из основных проблем проведения

письменных и устных экзаменов.

Нам может казаться, что проблема списывания – это бич одной лишь нашей системы образования, наследие нехорошего советского прошлого, когда нас приучали-де лгать и обманывать⁹. Долгие годы можно было слышать, как щепетильны в этом вопросе зарубежные студенты и как легко и «просто» относятся к списыванию наши ученики. Но это противопоставление не совсем верно.

В последние годы за рубежом начались массовые акции борьбы с нечестной сдачей экзаменов. Поводом послужили пугающие результаты исследований зарубежных ученых и специально созданных комиссий. Например, опросы американских подростков в 2001 г. показали, что половина учеников старших классов не считают списывание зазорным делом, примерно 75% «списывают при каждом удобном случае»¹⁰. При таких привычках старшеклассников мало надежды полагать, что студенты высших учебных заведений поступают по-другому. Действительно, данные опросов студентов США показывают, что если в 1969 г. в списывании признавались 34% студентов, то в 1992 г. – 61%, а 2002 г. – уже 74%¹¹.

Данные по разным странам показывают, что «читинг» в современном мире образовательных процессов приобретает воистину массовый характер. Любопытно отметить, что это коррелируется с общей тенденцией увеличения в большинстве стран мира и масштабов теневой экономики. Видимо, оба эти процесса, имея общее культурное основание, подпитывают друг друга: учащиеся, глядя на мошенничающих взрослых, начинают сами все чаще обманывать преподавателей, а затем, включаясь во "взрослую" жизнь, без особых угрызений совести уклоняются от уплаты налогов, дают и берут взятки, покупают контрафактные товары и т.д.

В зарубежных развитых странах проблема «читинга» считается одной из животрепещущих. Проблема обмана/списывания рассматривается в современных исследованиях чаще

⁸ Об императорских экзаменах в Китае см.: Н.Е. Боровская Н.Е. Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. – 2005. – №10. – С. 78-90; Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – Смоленск, 2000. – С. 427-433.

⁹ См. подобную точку зрения: Бунимович Е. Честность в школе: списывать, не списывать (2004) // Эхо Москвы. 30 мая 2004 г. (http://www.yabloko.ru/Publ/2004/2004_06/040602_ehom_bunimovich.html).

¹⁰ Списывание – обязательный компонент учебы (2002) // <http://www.mmonline.ru/news.php?mid=1437&topic=131>.

¹¹ Grimes P.W., Rezek J.P. The Determinants of Cheating by High School Economics Students: A Comparative Study of Academic Dishonesty in the Transitional Economies // International Review of Economics Education. 2005. Vol. 4. Is. 2.

всего в контексте экономико-социологического анализа девиантности и правонарушений – в частности, в рамках открытой американским экономистом Г. Беккером *economics of crime*¹²).

В России «шпаргалкология» делает пока лишь самые начальные шаги. Первым исследованием стала работа экономистов ЦЭМИ В.М. Полтеровича и А.В. Савватеева, выполненная совместно с экономистами из голландского Тилбургского университета Я. Магнусом и Д. Даниловым¹³. Второе исследование провела в 2006 г. Е.В. Сивак, изучая поведение студентов и преподавателей московского ГУ-ВШЭ¹⁴. Оба эти исследования выполнены по неинституциональной методологии – «читинг» рассматривается как результат рационального и осознанного выбора индивида в конкретных условиях, стимулирующих обман (слабая мотивация студентов к учебе, низкий контроль преподавателей и т.д.).

Авторы данной статьи предлагают иной подход к изучению «читинга» в образовательной системе постсоциалистических стран, основанный на парадигме «старого» институционализма. Они полагают, что массовый обман в учебном процессе есть частное проявление ментальных стереотипов (надконституционных институтов) институциональной системы власти-собственности.

Case-study использования шпаргалок в Москве и в Минске: частота и причины «читинга»

В качестве пилотного исследования по изучению списывания авторами данной статьи в мае-июне 2006 г. в Москве был проведен анкетный опрос школьников и студентов. Первым объектом проведения анкетирования стали студенты ГУ-ВШЭ, одного из ведущих университетов России (студенты-экономисты 2-го года обучения – примерно 60 человек). Вторым объектом были выбраны школьники одной из об-

щеобразовательных школ Москвы (школьники 9-11-х классов – 30 человек). Позже, в ноябре-декабре 2006 г., в Минске в Академии МВД Республики Беларусь было проведено третье, наиболее широкомасштабное анкетирование (анкеты заполнили примерно 440 курсантов 3-его курса)¹⁵. Все респонденты – представители одной возрастной когорты с максимальной разницей в возрасте примерно 5 лет.

В умах многих бытует мнение, что списывание – это один из обязательных компонентов учебы. Чтобы выяснить, насколько это утверждение обосновано, всем респондентам в России и в Белоруссии задавали три вопроса:

- насколько часто они сами списывают,
- насколько часто списывают их друзья по группе/классу и
- насколько часто списывают те, с кем они не поддерживают дружеских отношений.

При заполнении анкеты респондент должен был выбрать один из вариантов ответа, показывающий степень частоты списывания, – от «часто» до «никогда».

Рассмотрим сначала данные по России (Табл. 1).

Лишь 66% студентов признаются, что лично им приходилось списывать, но в основном «редко» (41%), никто не ответил «часто»¹⁶. Однако при этом 95% респондентов считают, что их друзья списывают (в т.ч. 16% – что друзья делают это «часто»). 94% указали, что в списывании участвуют их сокурсники, с кем они не поддерживают дружеских отношений (26% – что они делают это «часто»). Учитывая, что признание (даже анонимное) личного участия в списывании связано с определенными моральными издержками, наиболее вероятной оценкой степени участия в списывании будет не 66%, а скорее 94-95%¹⁷. Ведь хорошо из-

¹² См., например: Bunn D.N., Caudill S.B., Gropper D.M. Crime in classroom: An economic analysis of undergraduate student cheating behavior // *Journal of Economic Education*. 1992. Summer. P. 197-207; Mixon F.G. Jr. Crime in classroom: An extension // *Journal of Economic Education*. 1996. Summer. P. 195-200.

¹³ Magnus J.R., Polterovich V.M., Danilov D.L., Savvateev A.V. Tolerance of Cheating: An Analysis Across Countries // *Journal of Economic Education*. 2002. Spring. P. 125-135.

¹⁴ Сивак Е.В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания). Препринт WP 10/2006/06. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

¹⁵ Авторы статьи выражают глубокую благодарность Виктору Павловичу Кунцевичу, старшему преподавателю Академии МВД Беларусь, за помощь в анкетировании курсантов Академии. Выбор Белоруссии в качестве объекта исследования был продиктован тем, что из всех постсоветских государств эта страна культурно наиболее близка к России, что позволяет ее рассматривать как своего рода «Вторую Россию».

¹⁶ Поскольку база данных не очень велика, все доле-вые показатели даются с округлением до целых чисел.

¹⁷ Это очень точно соответствует оценке доли обманывающих российских студентов (93,4%), которая была получена в исследовании П. Граймса и Д. Резека (Grimes P.W., Rezek J.P. The Determinants of Cheating by High School Economics Students...).

вестно, что более правдивые ответы на "щекотливые" вопросы дают тогда, когда спрашивают не о самом себе, а о "других", на которых можно спроецировать личный опыт "нечестности". Эта интерпретация доказывается и резким разрывом доли "никогда не списывающих" в ответах, касающихся самих респондентов (высокие 33%) и их окружения (2-3%).

Посмотрим теперь, есть ли отличия между российскими студентами-экономистами и белорусскими курсантами-юристами.

Сравнение Табл. 1 и Табл. 2 показывает, что в Белоруссии респонденты давали очень схожие оценки того, как часто списывают "другие" (96-98%). Различие заметно в том, что белорусы гораздо чаще россиян признавали личное участие в списывании (93% в сравнении с 66%). Кроме того, в Белоруссии структура оценок частоты списывания сильнее смещена в сторону "часто" и "время от времени".

Таблица 1.

Частота списывания среди студентов и школьников России, в % от числа респондентов

Показатели частоты списывания	Ответы студентов				Ответы школьников			
	часто	время от времени	редко	никогда	часто	время от времени	редко	никогда
1. заявленная частота списывания самого респондента	–	25	41	33	10	37	40	13
	66				87			
2. заявленная частота списывания членов референтной группы респондента	16	49	30	2	40	40	17	3
	95				97			
3. заявленная частота списывания тех, кто не входит в референтную группу респондента	26	43	25	3	27	47	20	7
	94				94			

Таблица 2.

Частота списывания среди курсантов Республики Беларусь, в % от числа респондентов

Показатели частоты списывания	Ответы курсантов			
	часто	время от времени	редко	никогда
1. заявленная частота списывания самого респондента	11	42	40	6
	93			
2. заявленная частота списывания членов референтной группы респондента	33	52	13	1
	98			
3. заявленная частота списывания тех, кто не входит в референтную группу респондента	30	54	12	1
	96			

Пока нельзя наверняка утверждать, что именно отражает это отличие – более высокую честность белорусских респондентов или их более высокую вовлеченность в "читинг". Ограничимся утверждением, что данные по Бело-

руссии подтверждают вывод о тотальной распространенности "читинга" в постсоветских странах, в результате чего "никогда не списывающие" составляют жалкое меньшинство (вероятнее всего, порядка 1-6%).

Аналогичная ситуация наблюдается и в школе (насколько об этом можно судить по российским данным). Разница заметна, прежде всего, в том, что в списывании призналась заметно большая часть респондентов (87% школьников, в т.ч. 10% – "часто").

Case-study использования шпаргалок в Москве и в Минске: причины "читинга"

В свете полученных данных об очень высоком распространении списывания не выглядит странно тот факт, что осуждает списывание незначительное меньшинство: в России – 12% студентов и 3% школьников, в Белоруссии – 6% курсантов. Примерно половина опрошенных занимают нейтральную позицию. Очень многие (более 1/3) считают списывание нормой жизни (Табл. 3).

Таблица 3.

Отношение к списыванию студентов и школьников, в % от числа респондентов

Категории респондентов	Отношение к списыванию					
	Осуждают		Нейтральное		Оправдывают	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
Студенты	12	6	49	58	39	35
Школьники	3	-	50	-	47	-

Проанализируем причины списывания путем группировки ответов на открытые вопросы о том, почему списывать вредно (Табл.

4) или полезно (Табл. 5)¹⁸.

Таблица 4.

Основные типы суждений респондентов, почему списывать вредно, в % от общего числа респондентов*

Типы ответов респондентов	Россия		Беларусь, курсанты
	Студенты	Школьники	
1. Моральные соображения	7	-	2
2. Соображения эффективности	62	83	53
2.1. Краткосрочные эффекты	20	10	10
2.1.1. Страдает списывающий	12	10	7
2.1.1.1. Наказание при обнаружении	3	7	2
2.1.1.1. Наказание без обнаружения	8	3	5
2.1.2. Страдают окружающие	10	-	3
2.2. Долгосрочные эффекты	46	73	43
3. Отрицание вредности	3	7	10
4. Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	5	13	7

* Поскольку некоторые респонденты приводили при ответе на открытый вопрос анкеты аргументы сразу нескольких типов, а другие не отвечали на данный вопрос, сумма долей ответов в этой таблице и в последующих обычно не составляет 100%.

Большинство опрошенных молодых людей признают, что списывание есть поступок, который является в какой-то мере вредным. "Оригиналов", твердо утверждающих, что в списывании нет ничего вредного, оказалось очень немного (в России 7% школьников и 3% студентов, в Белоруссии 10% курсантов). Однако моральная сторона вопроса (ответы "это не красиво", "нечестно", "унижает собственное достоинство") волнует молодежь в наименьшей степени: среди российских студентов "моральных личностей" оказалось всего 7%, среди бе-

лорусских курсантов – 2%, среди школьников таких совсем не обнаружилось. И у студентов, и у школьников наблюдается общая тенденция – рассматривать вредоносность списывания прежде всего с точки зрения его эффективности.

¹⁸Поскольку вопросы были открытыми, респонденты могли называть более одной причины. В анкетах, как правило, отмечались одновременно и положительные, и негативные последствия списывания.

Чаще всего респонденты отмечали долгосрочный негативный эффект: списывание ведет к ленности ума, в результате чего обучение идет не впрок (46% студентов России, 43% курсантов Белоруссии, 73% российских школьников). Куда реже (20% студентов, 10% курсантов, 10% школьников) респонденты выдвигали краткосрочные соображения, мотивируя вредность списывания тем, что непосредственно в процессе списывания страдает сам нарушитель (от того, что его наказывают при выяв-

лении списывания, или от нервных переживаний, связанных с неуверенностью в знаниях) либо окружающие, которых списывающий «отталкивает» в рейтинге успеваемости.

Если большинство учащихся осознают негативные последствия такого рода обмана, то что же толкает на обман/списывание школьников и студентов/курсантов?

Суждения респондентов о полезности списывания (Табл. 5) довольно четко делятся на две крупные группы.

Таблица 5.

Основные типы суждений респондентов, почему списывать полезно, в % от общего числа респондентов

Типы ответов респондентов	Россия		Беларусь, курсанты
	Студенты	Школьники	
1. Субъективная полезность	28	57	19
2. Объективная полезность	39	27	46
2.1 Преодоление ненужных препятствий	26	-	10
2.2. Выработка полезных навыков	13	27	36
3. Отрицание полезности	3	10	4
4. Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	5	-	5

В первую группу попадают ответы, в которых школьники и студенты подчеркивают свою личную выгоду ("ничего не зная, получу хороший результат", "помогает жить спокойно", "делать ничего не надо"). Эти ответы характеризуют стремление отвечающих уклониться от усилий (как умственных, так и психологических), с которыми связано любое обучение. Таких "халевщиков" много среди школьников (57%), но не слишком много среди более взрослых студентов/курсантов (19% в Белоруссии, 28% в России).

Во вторую группу, самую многочисленную для студентов/курсантов (39-46%), попали ответы, указывающие на объективную полезность списывания. Прежде всего, это ответы типа "иногда выучить то, что требуется, на практике невозможно", "некоторые предметы вообще вряд ли пригодятся" и т.д. Все они связывают обман/списывание с недостатками образовательного процесса, – слишком сложные задания, преподавание кажущихся малоценными дисциплин и т.д. К этой же группе относятся ответы, авторы которых считают, что использование шпаргалок вырабатывает у «шпаргалочников» некоторые объективно полезные навыки – "если сам пишешь шпаргалки, что-то запоминается", "в процессе списывания можно разобраться с заданием", "развивает смекалку"

и др.

Среди респондентов встречались и максималисты, вообще отрицающие полезность списывания, но их число невелико (3-10%).

Case-study использования шпаргалок в Москве и в Минске: отношение к "доносам" на списывающих

Насколько учащиеся готовы помочь в пресечении обмана в обучении, открыто заявляя об этом преподавателям? Ведь обучение – это модель повседневной профессиональной работы, которая в современном обществе основана на конкуренции. Нарушители общепринятых правил, по идее, должны в первую очередь опасаться своих же коллег, не заинтересованных в том, чтобы их «обгоняли», используя запрещенные приемы. Однако хотя механизмы конкуренции среди учащихся (особенно, студентов) начали действовать, «доносы» на списывающих отнюдь не стали типичными.

Проведенный опрос показал, что указывать на списывающего не просто не принято, но и категорически не одобряется как школьниками (80% опрошенных), так и студентами/курсантами (в России – 90%, в Белоруссии – 94%). У студентов/курсантов отношение к «доносчикам» является более негативным еще и потому, что у них заметно ниже доля тех, кто

хотя бы частично одобряет «доносы». В России среди школьников на вопрос «Одобрите ли вы, если кто-то из ваших сокурсников, заметив, что его сосед списывает, сообщит об этом преподавателю?» ответ «и да, и нет» выбрали 17%, среди студентов – только 8%. В Белоруссии ответ «и да, и нет» выбрало лишь 5% курсантов. Ответ «да» не выбрал практически никто (во всех группах респондентов – менее 1%).

Попытаемся теперь понять мотивы крайне негативного отношения к «доносчикам».

Ответы наших респондентов (Табл. 6) на открытый вопрос «Вы считаете, что сообщать преподавателю о том, что ваш сокурсник списывает, ВРЕДНО, потому что...» четко разбиваются на две группы.

Половина респондентов объясняют негативное отношение к «доносчикам» аморальностью данного поступка («это подло», «бесчестно» и т.д.). Любопытно отметить, что аморальность «доносов» обосновывают как с позиций коллективизма («нельзя предавать своих одно-

курсников»), так и с позиций кажущегося индивидуализма («это – личное дело списывающего»). Поскольку списывающий объективно является конкурентом, отказ от разоблачения «недобросовестной конкуренции» является на самом деле анти-индивидуалистической позицией. Следовательно, в обоих случаях речь идет о «круговой поруке», когда одноклассник воспринимается не как конкурент, а как «свой человек», на грехи которого лучше закрыть глаза.

Другая позиция, встречающаяся реже (от 16% у белорусских курсантов до 47% у российских школьников), связана с неэффективностью «доносительства». Чаще всего респонденты писали, что «донос» чреват наказанием прежде всего для самого «доносчика» («можно получить по ушам», «преподаватели ябед не любят»). Иногда указывалось, что у обманщика могут быть какие-то объективные оправдания, или что мол жизнь и так накажет «шпаргалочников».

Таблица 6.

Основные типы суждений респондентов, почему «доносить» на списывающих вредно, в % от общего числа респондентов

Типы ответов респондентов	Россия		Беларусь, курсанты
	Студенты	Школьники	
1. Моральные соображения	49	50	49
2. Соображения эффективности	36	47	16
2.1. Наказание со стороны окружающих	30	40	13
2.2. «Жизнь сама накажет»	5	-	1
2.3. Наличие оправданий у списывающего	1	7	2
3. Отрицание вредности	-	3	-
4. Неопределенные ответы и ответы типа «не знаю»	-	7	10

Показательны ответы учащихся на открытый вопрос «Вы считаете, что сообщать преподавателю о том, что ваш сокурсник списывает, ПОЛЕЗНО, потому что ...» (Табл. 7). Если почти все школьники дали хотя бы какой-то ответ на этот вопрос, то студенты/курсанты массово отказывались рассматривать вторую часть дилеммы «вредности/полезности». Из российских студентов ответ на этот вопрос дали только 41%, среди которых 20% отрицали пользу «доносов»; из белорусских курсантов ответили 47%, из них 32% отрицали их пользу. Самой существенной причиной, по которой можно сообщать о списывании своих коллег по парте, считают восстановление справедливо-

сти, чтобы заставить обманщиков трудиться наравне со всеми остальными («это справедливо по отношению ко всем», «снизятся стимулы списывать», «списывающий мешает другим»). Интересно, что этот мотив часто встречается в ответах российских школьников (47%), но нечасто в ответах российских студентов (16%) и белорусских курсантов (32%). Курьёзной разновидностью мотива справедливости является ответ типа «можно стучать на предателя». Что касается мотива обретения «доносчиком» личной выгоды («получишь расположение преподавателя», «я поднимусь в рейтинге»), то он встречается очень редко (от 2 до 5%).

Таблица 7.

Основные типы суждений респондентов, почему «доносить» на списывающих полезно, в % от общего числа респондентов

Типы ответов респондентов	Россия		Беларусь, курсанты
	Студенты	Школьники	
1. Субъективная полезность	5	3	2
2. Объективная полезность	16	47	9
3. Отрицание полезности	20	37	32
4. Неопределенные ответы и ответы типа "не знаю"	-	10	4

Воспроизводство "азиатских" надконституционных институтов системой высшего образования

Проведенное нами кейсовое исследование охватило относительно небольшое количество респондентов (несколько более 500 человек) из двух вузов, московского и минского, и одной московской школы. Поскольку база данных не слишком велика, выводы нашего исследования носят во многом предварительный характер. Однако, пусть в первом приближении, можно сформулировать следующие суждения.

Во-1-х, списывание в учебном процессе является массовым, практически тотальным (порядка 90% учащихся и более). Может показаться, что российская/белорусская ситуация не слишком отличается от ситуации за рубежом: у нас – примерно 95%, в США – примерно 75%. Однако важно подчеркнуть, что за рубежом рост «читинга» воспринимается как экстремальное явление, в то время как на постсоветском пространстве по этому поводу никто тревоги не бьет. Вероятно, высокий уровень «читинга» за рубежом – временная вспышка, реакция на переходное состояние общества (переход к постиндустриальному обществу). В наших же странах можно, видимо, говорить об институциональном «читинге». Как и институциональная коррупция, обман в учебном процессе, ставший массовой нормой, есть одна из форм «тотального уклонения в ответ на требование тотального подчинения». Иначе говоря, студенты воспринимают требования вузовского «начальства» (преподавателей) как чужие. В условиях отчуждения от власти студенты противопоставляют завышенным требованиям не призывы к реформе (изменению нагрузок, набора учебных дисциплин, форм контроля etc.), а обман как «оружие слабых», как «обыденную форму сопротивления».

Во-2-х, учащиеся демонстрируют категорическое и тотальное неприятие «доносов» на списывающих – более тотальное и более категоричное, чем отрицание полезности списыва-

ния. Иначе говоря, даже признавая «неправильность» обмана, еще более «неправильным» они считают помощь «власти» (преподавателю) в выявлении этого обмана. Этот парадокс можно было бы попытаться объяснить детской незрелостью респондентов – дети «ябед» инстинктивно не любят. Однако данные опроса показывают, что при переходе от школы к вузу растет терпимость к списыванию и нетерпимость к «доносчикам». Очевидно, что это неприятие «доносов» является результатом не «детскости», а «взрослости», наученности определенным нормам поведения ("нельзя выносить сор из избы"). Речь идет о том ментальном институте, который ранее был назван «коллективизмом несвободных людей» («тотальным коллективизмом»). Частным его проявлением является «синдром Павлика Морозова» – установка на недопустимость публичных обвинений близких людей, когда "доносчика" осуждают сильнее, чем жертву "доноса", как бы виновна она не была¹⁹.

Эти выводы подтверждают нашу гипотезу об образовательной системе современной России как «школе» неформальных практик и институтов власти-собственности. Студенты выглядят более обученными жить в атмосфере массового повседневного обмана и круговой поруки, чем школьники. Следовательно, надконституционные институты власти-собственности («тотальное уклонение – тотальный коллективизм») продолжают жить, воспроизводясь существующей системой высшего образования.

Статья поступила в редакцию 15.01.2007

¹⁹Подробнее см.: Латова Н.В., Латов Ю.В. Обман в учебном процессе (опыт шпаргалкологии) // Общественные науки и современность. – 2007. – № 1.